

«Красная звезда»

Дед на земле фашистов бил, отец сражался в небе

Наш дедушка, лейтенант Бондарец Родион Евдокимович, в 1941 году ушёл на фронт, оставив дома жену Варвару с пятью детьми. Тамаре (нашей маме) было тогда 12 лет, Валентину – 8 лет, Славе – 6 лет, Толе – 3 года, Инессе всего 12 дней от роду. Все тяготы и невзгоды легли на хрупкие плечи нашей бабушки. Трудно представить, что ей пришлось пережить во время войны и в послевоенные годы.

Сидят - Бондарец Родион Евдокимович и Варвара Яковлевна (до войны).

Дедушка воевал на Юго-Западном фронте в 820-ом стрелковом полку командиром взвода, зам. командира дивизии. Был он смелым, решительным, не прятался за спины солдат. Имел несколько ранений. В конце войны служил в Приволжском военном округе. Домой, в город Речицу Гомельской области, вернулся дедушка ослабленным после ранений, с крупозной пневмонией и через несколько дней умер.

Приказом от 6 августа 1946 г. Бондарец Родион был награжден орденом Красной Звезды. Награда числится не врученной, в связи с его смертью. Варвара Яковлевна осталась в 40 лет вдовой с малыми детьми. Чтобы их вырастить, выкормить, она работала не покладая рук. Сама была неграмотной, но вырастила хороших трудолюбивых детей, всем дала образование.

Помимо работы бабушка занималась и общественной деятельностью. Была народным заседателем в суде. У Варвары был очень красивый голос, любила петь, все её дети ходили в художественную самодеятельность, пели, играли на музыкальных инструментах. Толя стал оперным певцом – заслуженным артистом России, Инесса – учителем музыки. Своего сына Инесса назвала Родионом, в честь отца, а моя сестра Ира назвала свою дочь Варварой.

Воевал на фронте и наш отец, Семагин Иван Егорович, родом он с Алтайского края. Когда грянула война, он, не раздумывая, пошел на фронт, прошел школу стрелков-радиостов и яростно сражался в небе с фашистами.

За бои награжден орденами, медалями, получил благодарственное письмо от Сталина «За взятие Кёнигсберга». После войны их летная часть стояла в г. Речице Гомельской области, где он и познакомился с Тамарой Бондарец. Там они и поженились. В Речице родилась я, а в 1952 г. семья переехала в Дубровку, где родились моя сестра Ира и брат Сергей.

В Дубровке отец работал в СМУ начальником гаража. Дубровчане его любили и уважали. Никто не мог подумать, что Иван Егорович, пройдя всю войну, погибнет в 35 лет из-за аварии, произошедшей в Дубровке на железнодорожном переезде в июне 1960 года. Так мама в 31 год стала вдовой. Мне было 11 лет, Ире – 6 лет, Сереже – 2,5 года. Как и нашей бабушке, ей досталась доля одной воспитывать нас. Бабушка наша помогала чем могла. Мама много работала, училась в школе рабочей молодежи, т. к. во время войны не смогла закончить школу. Маме не было стыдно за наше воспитание. Она за свой труд была награждена орденом Трудового Красного Знамени и нам привила любовь к труду, к Отечеству. Мама долгое время была участницей художественной самодеятельности, очень красиво пела. Вела большую общественную работу в цехкоме, в профкоме. Успевала везде, помогала в трудную минуту людям. Светлая ей память! Уже мы вырастили своих детей. Имеем внуков. Брат Сергей назвал своего старшего сына в честь нашего отца Иваном.

В канун Великого Дня Победы хочется

Семагины Иван Егорович и Тамара Родионовна после войны, 1945 -46 г.

пожелать всем ветеранам войны долголетия, здоровья, чтобы о них вспоминали не только в дни праздников. И, конечно, благодарны мы тем матерям и женам, которые ждали своих воинов, верили в Победу. Помогали своим трудом и любовью приблизить тот Великий День Победы! Низкий вам всем поклон от нас, детей и внуков.

С уважением, Галина СЕМАГИНА, пос. Дубровка

Обелиск у реки Морье

Минувшей осенью мы решили побывать у обелиска, посвященного морякам сторожевого корабля «Конструктор», который защищал Ленинград в годы войны. Памятник находится на побережье Ладожского озера, в деревне Морье. Мы не только сразу же нашли его в редком лесочке возле дороги, но и смогли побеседовать со старожилом здешних мест – Тамарой Егоровной Семеновой, которая прекрасно помнит события военных лет и лично встречалась с оставшимися в живых моряками «Конструктора».

Здесь, в Морье, долгие годы работал лесником ее дед Салтыков, которого принимал на работу еще барон Фредерикс. Даже когда в конце тридцатых годов территория деревни отошла к военному полигону и большинство жителей расселили по близлежащим населенным пунктам — кого в Коккорево, кого — в Ваганово, лесник и его семья не покинули свое родовое гнездо. Салтыков остался и при своей должности, и при доме, который до сих пор хорошо сохранился. Именно в этом старом доме у реки Морье, насквозь пропитанном тем особенным яблочным духом, которым славились наша деревенская осень, мы и беседовали с Тамарой Егоровной, не веря собственному везению. Не каждый день случается ухватиться за невидимую ниточку, которая связывает прошлое и настоящее...

Вот что она нам рассказала:

«Летом я всегда жила здесь до самой школы. В 1941 году я 30 мая приехала сюда к бабушке и дедушке на летние каникулы. Здесь для меня и началась война. (Война на самом деле началась для нее раньше, когда в 1940-м, в финскую, погиб отец. - **Ред.**) А в июле-августе за нашим огородом уже упали бомбы. Но это были пока только единичные попадания. К сентябрю я поехала в Ленинград, в школу. Видимо, она в то время уже не работала. Помню, что сидела дома две недели. Мой дядя, мамин брат, он в то время был уже на фронте, написал: зачем вы ребенка отправили в Ленинград, немец уже подошел к городу, везите ее на Ладогу.

Я приехала сюда и застряла на три года и три месяца, до сентября 1944 года...

21-22 октября 1941 года корабли Ладожской

флотилии вошли в бухту Морье. Здесь находилась военно-морская база, повсюду землянки, две из них были хорошо видны в наше окно. В них размещались ЭПРОН - подводные работы, а также служба связи и наблюдения.

А в сентябре приехали сюда 300 женщин и девушек на лесозаготовки, они стояли на нашем берегу, есть такое место — Светлый Луч — вот там они и жили. Пилили деревья, таскали бревна на мыс для строительства трех пирсов.

Дед мой плакал каждый день, когда лес, которому он отдал шестьдесят лет своей жизни, уходил в топку кораблей. Даже во время войны каждое срубленное дерево он активировал. Дед был безграмотным, и если раньше акты для него писала моя бабушка, то теперь эту обязанность он возложил на меня. До сих пор помню названия кораблей, на которые уходили дрова.

В 1942 году наш полигон расформировали, остался только старшина Дима Васильков да еще восемь солдат. Их прикрепили к 89-му полку, который стоял в Девятино. Дед и он, видимо, там зарплату получали, и карточки он нам привозил. Полигон возродился уже после войны.

Бомбежи были очень сильные. Бомбили на том берегу Ладоги и на этом. Немец стоял в Шлисельбурге, самолеты прилетали все время. Особенно запомнилась одна из них, но уже не помню, в 1942 или в 1943 году. Тогда сюда приезжал В.С. Чероков, командующий Ладожской военной флотилией, и адмирал В.Ф. Трибуц, командующий Балтийским флотом.

Они у нас в доме встретились. Я кипятила самовар и носила им чай. В это время начался массированный налет. А у нас была небольшая

земляночка, и мы все вместе — Трибуц, Чероков, дедушка, бабушка и я — отсиделись в землянке. Бомбили всю ночь, до самого утра.

В мае 1944 года открылась навигация, освободили Прибалтику, и все наши корабли ушли из бухты... А я пошла в школу.

Вспоминаю такой случай. Был у нас однажды летом и командир Ледовой дороги М.А. Нефедов, попросил истопить баню. Видела я его один-единственный раз. Сидел вот за этим самым столом, где мы с вами сейчас сидим. Помылся, зашел нас поблагодарить, деда моего послушал, который очень любил рассказывать истории из своей жизни.

А в нашем доме расположился политотдел — три человека, и мы вместе с ними вечерами забивали «козла» чуть не до полуночи. Здесь, на столе, и лежали карты. Нефедов взял их в руки: «Карты! Я сейчас погадаю». Разложил на столе и говорит: «- Ой, как мне плохо вышло!» А погиб он так: поехал

на «эмке», а на перекрестке за кладбищем взорвалась бомба, шофер остался невредимым, а его, Нефедова, осколком в голову убило».

Известную историю со сторожевым кораблем «Конструктор» Тамара Егоровна дополнила некоторыми подробностями. Напомним, что в ноябре 1941 года во время вражеского налета он был подбит, а на нем, кроме экипажа, находились эвакуированные, которых готовили к перевозке на Большую землю. Нос корабля сразу ушел под воду, большая часть пассажиров и часть экипажа погибли.

Оставшиеся в живых моряки принялись бороться за жизнь корабля — заделывать пробоины, укреплять переборки. Благодаря этому он не ушел под воду полностью и держался на плаву до тех пор, пока не подошла подмога. Из 250 пассажиров в живых осталось только 80 человек. «Конструктор» с торчащими из воды оголенными лопастями гребного винта был отбуксирован в пустынную бухту Морье. 32 моряка были похоронены в д. Морье.

Дальнейшая судьба «Конструктора» такова: силами оставшегося в живых экипажа корабль был отремонтирован и осенью 1942 года вновь принял участие в боевых действиях.

А вот что рассказала Т.Е. Семенова: «В 1946 году, в конце июля, в День военно-морского флота, мы вместе с мамой и дедушкой сидели обедали за столом. Вижу в окно — белые бескозырки к нам приближаются. В дом матросы привели интеллигентную женщину, попросили, чтобы у нас немного пожила. Оказалось, что это мать одного из погибших на «Конструкторе» моряков, Ейшина Константина.

Друг его Гриша Сом остался в живых, у него был киевский адрес матери погибшего товарища — и он решил к ней съездить. Софья Михайловна рассказывала, как произошла их встреча: «Иду по улице, вдруг вижу — приближается моряк, а на бескозырке надпись «Конструктор». Я его остановила, а он говорит: иду к вам рассказать о сыне». Вместе с Гришей она и приехала в Морье, а после этого еще девять лет подряд приезжала к нам. В 1946 году мой дед сделал ограду, а новую Софья Михайловна увидеть уже не успела.

В 1954 году моряки пригласили нас на восстановленный корабль «Конструктор», мы вместе с Софьей Михайловной побывали в кубрике, где жил ее сын».

**Записала воспоминания
Нина УСТИЧЕВА
Фото Антона ЛЯПИНА**